

Мингазова Ляйля Ихсановна

Психологизм в татарской детской прозе второй половины XX века

В данной статье анализируется татарская детская проза второй половины XX века с точки зрения репрезентации психологизма. Детализируются формы и приемы психологического анализа, которые дают возможность более четко раскрыть образ, эмоциональное состояние ребенка.

Ключевые слова: Татарская детская проза, психологизм, приемы, формы психологического анализа.

Mingazova Liailia Ihsanovna, PhD, docent

Child psychology in the Tatar prose of the second half of the twentieth century

One of the major methods of the literature and art conjunction in the life is to show the private life of the person, his inward indeed. The general form and reception of the psychological analysis, an internal monologue and dialogues, internal speech, landscapes and dreams are examined in the Tatar children literature more and more individually. And all these give a great chance to open, show child's emotional condition more carefully and accurately.

Key words: Tatar child's literature, psychologist, originality, forms and receptions of psychological analysis.

Детская литература представляет собой особую подсистему литературы, ориентированную на диалог с детским сознанием и воспроизводящую детскую субкультуру в характерных для неё кодах. Эти коды, с одной стороны, универсальны для национальных литератур, с другой, – содержат в себе элементы, обусловленные особенностями национальной культуры. В этой связи, в последние годы при оценке произведений для детей одним из главных критериев является воспроизведение характеров, взятых из жизни, глубокое проникновение в душевные переживания героев и, в целом, в детскую психологию. Приемы раскрытия характера героя в прозе второй половины XX века, с исторической точки зрения, проанализированы в нашей монографии

«Прошедшие сквозь века... (История развития татарской детской литературы)» и в статье «Своеобразие татарской детской литературы 1960–2000-х годов» [1; 310]. Новизна данной статьи заключается в том, что мы обращаем внимание на более глубокий анализ произведений для детей с точки зрения психологизма.

И так, по мнению А.Б.Есина, «Психологизм – это довольно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей, и переживаний вымышленной личности с помощью специфических средств художественной литературы. Внутренний диалог, монолог, внешние детали, исповедь, сны, видения, персонажи-двойники, внутренняя речь, умолчание» [2;174] – все это является специфическими приемами раскрытия психологии в произведениях. Следовательно, психологизм с целью раскрытия души формирующегося маленького героя включает в себя единство стиля и системы приемов.

Известны три формы психологического портрета. В теоретическом плане они более полно представлены в работе И.В.Страхова: «... «изнутри», то есть, путем художественного познания внутреннего мира действующих лиц. Выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображение: на психологический анализ «извне», выражающейся в психологической интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления психики.

... еще один способ сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа: при помощи называния, предельно кратко обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [3;4-5].

В каждой форме психологического портрета присутствуют такие качества как познание, художественность и воздействие. Интересно и то, что в отдельных случаях состояние души выражалось от имени лирического героя: через первое или третье лицо. В этой связи интересна повесть талантливого писателя Г.Мухамметшина «Без әле җирдә яшибез» («Мы живем на Земле»), который развил традиции реалистического направления, связанные с именами Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, И.Гази, М.Амира и обогатил их оригинальным юмором. Повесть пронизана уважением к личности ребенка. События из жизни

главного героя Инсафа описаны глазами ребенка, исходя из его восприятия окружающего мира:

«Мама даже в пионерский лагерь меня не посылала, потому, что там вожатые отпускают детей купаться, сами загорают на берегу, а за детьми не следят. ...я все лето валяюсь в мягкой постели, уплетаю яблоки, малину, огурцы» [4; 117]. В приведенных строках в форме монолога-ознакомления образ Инсафа находит полное воплощение, герой предстает «маменькиным» сыночком. Известно, что такой прием подачи главного героя в литературе используется не редко. Подобный тип мальчиков в произведениях встречается уже с той поры, когда детская литература еще только начала формироваться. Новизна повести состоит в том, что традиционная судьба героя раскрывается в психологическом плане, его мысли, перемены в характере выражаются устами самого героя. Характер, сдобренный психологическими красками, раскрывается более глубоко. В ходе повествования автор проблемы, связанные с ребенком, не отделяет от проблем взрослых, по мере развития сюжета он акцентирует внимание на сложностях формирования характера, связывая их с психологическими перипетиями взрослых.

Образ матери, которая после каждой незначительной неприятности берет за сердечные лекарства, в повести раскрывается через восприятие ребенка. Перемены в характере матери, происходящие в ходе развития событий сюжета, и, наконец, в кульминационной точке, не могут остаться в стороне от его внимания. Таким образом, наблюдения, размышления Инсафа играют решающую роль в раскрытии образа матери. Как правило, в таких произведениях образы взрослых – это герои, которые определяют позицию автора, но стремление глубоко раскрыть детскую психологию в этом случае создает предпосылки для возникновения боковых художественных линий. Роль переезда в деревню, деревенской среды и труда, которые привели к позитивным изменениям в этой семье, автору удастся раскрыть с помощью глубокого психологического анализа.

Как было отмечено выше, с помощью психологизма писателям удается дать своим литературным героям жизненное воплощение: психологизм способствует более реалистичному, жизненному изображению литературных персонажей. В частности, в творческом процессе ими применяются различные приемы психологического анализа, оценка детьми друг друга, диалоги; характеры героев более полно раскрываются и развиваются при помощи авторской характеристики. В некоторых произведениях внутренний мир героев передается также через внешние признаки: движения, мимику, отношение к другим людям. К примеру, в рассказе В.Нуриева «Гәмбә оясында» («На грибном месте») внешние детали, в первую очередь, раскрывают характер героя: «... Заки продолжил быстрый шаг. Было видно, что причиной такой торопливости было желание первым найти грибы и первым наполнить ведро.

А Ильяс и Рахим, наоборот, не спешили» [5; 321]. В данном случае автор стремится обратить внимание на разницу в характерах героев. Если Ильяс и Рахим отличаются терпеливым нравом, то Заки горяч, к тому же несколько жаден и ненасытен. Именно поэтому он и оказывается в рассказе наказанным.

Писатели Ф.Шафигуллин («Актәпи» («Белоножка»), «Ак маңгайлы бүреләр» («Белолобые волки»), «Фирүзә» («Фируза») и др.) и Ф.Яруллин («Ак тәнбоек» («Белая кувшинка»), «Сандугач оясы» («Гнездо соловья»), повесть «Яшел утрау хужалары» («Хозяева зеленого острова») в своих рассказах обращают внимание на правдоподобность описываемого в произведении, силу убеждения и на то, что читатель их воспринимает положительно.

В связи с этим представляет интерес повесть Ф. Яруллина «Яшел утрау хужалары» («Хозяева зеленого острова»). Главную проблему, волнующую одного из главных героев повести – Хануза, писатель раскрывает так, как это бывает свойственно лишь талантливому автору:

«– Вот ты говоришь, что песок да песок, – говорит Хануз, поддразнивая Хайдара, – на песке ведь козленка не привяжешь.

У них есть пушистая коза. Доглядывать за ней поручено Ханузу» [6; 511].

Очень важный момент, необходимый для раскрытия героя, по мере развития сюжета описывается просто, почти по-детски, в свою очередь, проясняется детская психология, ответственное отношение ребенка к порученному делу. Черты, характерные для героя, автор описывает через внутренний монолог Хануза. Мысли героя по поводу козленка автор развивает через противоречия и до тех пор, пока во всем этом не прояснится определенная логика, внутренний монолог не прекращается. Такой прием, видимо, связан с тем, что Ф.Яруллин умеет взглянуть на события глазами ребенка, может быть его единомышленником.

В отдельных случаях писатели не описывают внутренние переживания героев, подталкивая читателя к самостоятельному анализу. Без дополнительных описаний подчеркивается богатый внутренний мир героев: «Фарида уставилась на маму... Ее глаза тут же наполнились слезами... Она покраснела...» [5; 232].

Таким образом, в рассказе «Туган көн» («День рождения») Р.Валиева, описывая состояние героини в результате ее несправедливого поступка, заставляет читателя задуматься о жизни, близких людях, и в итоге сделать надлежащие выводы. В целом, в каждом произведении слово автора, монолог и диалоги помогают полнее раскрыть героев. Этим же отличается и творчество В.Нуриева («Әкрәм законы» («Закон Акрама»), «Гөмбә оясында» («На грибном месте »), «Бәхетле билет» («Счастливый билет»), «Жәйге кар» («Летний снег») и др.) ставшего заметным фигурантом детской литературы 1980-х годов.

Его рассказ «Ашыгудан ни файда» («Нет смысла спешить») состоит только из монолога. В раскрытии образа автор, как Д. Тарджеманов в рассказе «Йөткерткеч» («Кашленник»), уделяет много места его «разговору самим с собой». Лирический герой хорошо проработан: у него своя манера говорить, свои мысли, свое отношение к событиям. Перед нами предстает разносторонне раскрытый целостный образ: «Почему-то у моей бабушки очень беспокойная душа. Вечно спешит. Что толку в спешке?» [5; 37].

Из монолога выясняется, что наш персонаж – это неторопливый, беспечный, ленивый ребенок. Автор, своеобразно выстроив рассказ, и не уделив живым разговорам героев достаточно места, все же добился своей главной цели. Такой прием, разумеется, снижает динамику произведения, но облегчает работу с многозначными понятиями. Это, в свою очередь, интересно, как новое начинание для детской прозы. Следует добавить и то, что автора интересуют, в первую очередь, не события, а характеры, судьбы, духовный мир героев, поэтому его героев трудно охарактеризовывать односложно. Писатель и сам, похоже, не спешит выносить им суровый вердикт, во всяком случае, он входит в их положение и в описании присутствует его сопереживание.

Таким образом, начиная с 1980-х годов писатели в своих произведениях начинают уделять больше внимания внутренним монологам, дающим возможность воплощать чувства и переживания маленьких героев, поставленных в неожиданные ситуации. В целом, изображение переживаний героев посредством внутреннего монолога оправдано. Во-первых, в напряженные моменты герои способны более глубоко раскрывать свои чувства. Во-вторых, обращение к внутреннему монологу персонажа в различные жизненные периоды связано с поиском выхода из сложившейся ситуации, формированием какого-либо решения. К тому же внутренняя речь героев является также важным фактором их индивидуализации.

Внутренняя речь героев выступает и как прием их индивидуализации, и как способ раскрытия внутренних коллизий. Она отражает характер персонажа. Так, если в произведении В.Нуриева герой раскрывается в монологе как беззаботный ребенок, то в рассказе А.Гимадиева «Хуш, Тамчыгөл» («Прощай, Тамчыгуль») монологи Шишка позволяют читателю выявить в его характере такие качества, как высокомерие, надменность. Героиня рассказа Ф.Яхина «Аккош моңы» («Грусть лебедя») Галиябану в своем монологе представлена как мягкая и в то же время отчаявшаяся девушка. Таким образом, посредством внутренней речи персонажам дается самохарактеристика, в то же время

авторами успешно применяется сторонняя оценка героев, участвующих в том или ином событии.

В рассказах «Сандугач оясы» («Гнездо соловья», Ф.Яруллин), «Эни нинди була?» («Какая бывает мама?», Р.Хафизова) в частности для передачи драмы детей, возникшей вследствие психологических переживаний, использованы внутренний монолог, авторская речь.

В произведении «Гнездо соловья» конфликт возникает между матерью, бросившей семью и нравственными чувствами героя, и это противоречие становится причиной раздвоения мыслей Назипа. Герой вначале осознает возникшее в его душе противоречие, но не находит внутренних сил для его разрешения. Анализ наблюдений героя и автора отражает мучения сироты, его погружение в усиливающуюся борьбу чувств. Душевные терзания детей-сирот автор стремится передать и подчеркиванием слов общего разговора, и подбором синтаксических форм. А в рассказе Ф.Шафигуллина «Мин дә үсәрмен әле» («Я тоже скоро вырасту») схема внутреннего монолога героя «вопрос – размышление – результат» служит иллюстрацией стремления героя быстрее вырасти и возмужать. Для него не характерна противоречивость, свойственная герою предыдущего произведения. Автор раскрывает чувство ребенка, испытываемое им во время сильного дождя.

Как мы отмечали выше, именно через мысли, прямую и косвенную речь раскрываются моральные, нравственные качества, психология ребенка. В детской прозе творчество А.Бикчантаевой является образцом этого направления. К тому же ее рассказы богаты внутренней музыкой, сердечностью стихотворного языка. Вдобавок, они весьма насыщены информацией, мыслями. Наиболее значительные из них – «Этиемнең эш бүлмәсе» («Папин кабинет»), «Кошлар теле» («Язык птиц»), «Сәйкемсез жан» («Неприглядная душа»), «Тәмле сүз» («Сладкое слово») и др. близки и любимы детьми, поскольку написаны с пониманием души ребенка. Образы простодушных, неопытных, но дисциплинированных детей раскрываются при помощи различных приемов: будь то лирический герой, уснувший в кабинете отца, сторожа его от

шаловливого котенка, или воспитавший из «непослушного» котенка «послушного», или образ Гулькай, у которой сначала речь была «несладкой», а потом стала «сладкой» – все они оставляют в душе светлое чувство. Они все жизненны и просты. И только в редких случаях автор поступки своих героев хвалит, или, наоборот, хулит. Главная идея, мысль раскрывается с помощью описания психологического состояния героя. Для разносторонней характеристики героя писательница умеет найти точные, выверенные слова.

Таким образом, в детской прозе 1960–2000-х гг. широко используются различные средства раскрытия психологии героев: портрет, внутренний монолог, внешние детали, внутренняя речь, умолчание и т.д. С помощью этих приемов писатели диалогически воспроизводят детское сознание и детскую психологию, раскрывают сложные психологические коллизии.

Литература:

1. *Мингазова Л.И.* Прошедшие сквозь века... (История развития татарской детской литературы) / Л.И.Мингазова. – Germany, Saarbrücken: изд. Palmarium academic publishing, 2012. - 255 с.; Своеобразие татарской детской литературы 1960–2000-х годов // Вестник чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 283–286.
2. *Есин А.* Психологизм русской классической литературы: книга для учителя / А. Есин. – М.: Просвещение, 1988. – 174 с.
3. *Страхов И.* Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов педагогических институтов. Ч.1. / И. Страхов. – Саратов: Саратов. гос.пед.инст., 1973. – 188 с.
4. *Мөхәммәтшин Г.* Без әле жирдә яшибез: повесть һәм хикәяләр / Г. Мөхәммәтшин. – Казан: Таткитнәшр., 1963. – 166 б.
5. Татар балалар әдәбияты. Хрестоматия. 2 томда. Т.2 / Төз. Л.И. *Минһаҗева, И.Х. Мияссарова.* – Казан: ТаРИХ, 2003. – 384 б.
6. *Яруллин Ф.* Яшел утрау хужалары. Повесть. Балалар әдәбияты. Хрестоматия / төз. Ф. Ибраһимова. – Казан: Мәгариф, 2003. – 544 б.

Мингазова Ляйля Ихсановна

КФУ, ИФИ. г. Казань, Татарстана, 2.

Доцент кафедры «Татарской литературы и методики преподавания»

Доктор филологических наук, доцент

592-01-30 р.т.

89047638701 сот. т.

Leila69@inbox.ru

Mingazova Liailia Ikhsanovna

Kazan (Volga region) Federal University. Kazan, Tatarstan, 2.

Associate Professor of the «Tatar literature and methods of teaching»

Doctor of philological science, Associate Professor

Leila69@inbox.ru